

*Того, кто хоть что-нибудь стоит,
довольно трудно купить.*
Эдуард Севрус

Когда видишь элитные коттеджи и величественные дворцы, построенные в последние годы состоятельными гражданами нашей страны, то обуревают двойственные чувства. Хорошо, что вместо панельных пятиэтажек, прозванных в народе «хрущевками», стали строить красивые малоэтажные дома и коттеджные поселки. В то же время возникает вопрос: кто может себе позволить построить такой дом? И если с заслуженными людьми, имеющими легальные доходы, вопрос ясен, то, когда дворец строит рядовой клерк, работник полиции, суда или администрации, официально получающий только зарплату, неизбежно возникает вопрос: «Откуда дровишки?»

Ответ лежит на поверхности. Коррупция! И бороться с ней надо всеми доступными средствами.

В последнее время в стране принято несколько законодательных документов, направленных на искоренение этого зла. Президентом Российской Федерации утверждены национальные планы противодействия коррупции, заложившие правовую основу и определившие основные направления борьбы с этой социальной раковой опухолью, поразившей наше общество.

Основное место в планах обоснованно занимают вопросы экономического характера. Объясняется это тем, что борьба с коррупцией, терроризмом, любыми проявлениями организованной преступности не будет эффективной и не принесет желаемого результата, если не ликвидировать питающую их экономическую основу. Возможность создавать преступные группы и щедро финансировать их деятельность является основной причиной процветания коррупции.

Для успешного лечения любой болезни необходимо знать ее симптомы и природу происхождения. Коррупция не составляет исключения.

В России граница между взяткой и платой за труд всегда была весьма условной. Вплоть до XVIII века государственные чиновники жили благодаря «кормлениям», то есть подношениям от тех, чьи проблемы они решали. Земские старосты в отчетах подробно указывали, сколько денег, продуктов и других полезных в хозяйстве вещей дано государевым слугам. Такие подношения были делом обычным и законным. Даже в московских приказах, где большая часть служащих получала зарплату, «кормление от дел» было вполне легальным источником благосостояния.

В юридическом языке XVII века существовало несколько названий взяток: «почести» — предварительные подарки должностному лицу, «решавшему вопрос»;

«поминки» — подарок «по итогам». Это считалось вполне законными вещами. А вот за «посулы», то есть за нарушение закона за плату, полагались телесные наказания. Именно за посулы в 1654 году были биты кнутом князь Алексей Кропоткин и дьяк Иван Семенов, взявшие деньги с купцов, которых царь Алексей Михайлович собирался переселить в Москву. Купцы в Москву ехать не хотели и предпочли дать взятку, не подозревая, что царь и без нее уже отменил свое решение. Тем не менее князь потребовал с купцов сто пятьдесят рублей, а дьяк — тридцать рублей и бочку вина.

С 1715 года чиновники стали получать фиксированную зарплату, и мздоимство в любой форме уже рассматривалось как преступление. Однако государство, построив сложную канцелярскую бюрократию, не имело достаточно средств на ее содержание. Чиновники низших классов бедствовали, поэтому взятки для них были единственным способом выживания. При Петре I количество чиновников возросло, а вместе с ними — и общая сумма получаемых взяток. В финансовой ведомости одной из московских слобод значится, что из ста шестнадцати рублей мирских средств на взятки за год израсходовано сто десять рублей.

Взяточников нещадно били батогами, клеймили, ссылали, но все было тщетно. Однажды в Сенате Петр пригрозил издать указ, по которому всякий, кто украдет у казны сумму, на которую можно купить веревку, будет повешен, на что генерал-прокурор Ягужинский иронически заметил: «Неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Они все воруют — только что один больше и приметнее, чем другой». И императору пришлось смириться.

После смерти Петра I жалованье чиновникам отменили. «Кормление от дел» вновь стало для них единственным способом существования, и отличить «кормление» от взятки, даваемой за решение проблемы в обход закона, было практически невозможно. Издавая грозные указы, верховная власть боролась со взятками скорее для порядка, чем в расчете на победу.

«Ненасытная жажда корысти, — говорила императрица Елизавета Петровна, — дошла до того, что некоторые места, учреждаемые для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие — предводительством судей, а потворство и попушение — одобрением беззаконникам».

Более серьезно взялась за взяточников Екатерина II, которая была оскорблена, узнав, что в Новгородской губернии необходимо дать взятку для того, чтобы быть допущенным к присяге ей на верность, уклонение от которой преследовалось по закону.

«Сердце Наше содрогнулось, — писала она в своем указе, — когда Мы услышали... что какой-то регистратор Яков Ренберг, приводя к присяге... бедных людей, брал с них себе деньги. Этого Ренберга Мы повелели сослать на вечное житие в Сибирь на каторгу и поступили так только из милосердия, поскольку он за такое ужасное... преступление по справедливости должен быть лишен жизни».

Однако, в отличие от своих предшественников, императрица не ограничилась показательной расправой над взяточником. Судьям и канцелярским служащим было назначено жалованье, позволяющее существовать вполне безбедно.

В 1763 году годовой оклад служащего средней руки составлял тридцать рублей в уездных, шестьдесят — в губернских, сто — сто пятьдесят рублей в центральных учреждениях, при этом пуд зерна стоил всего десять — пятнадцать копеек. И тем не менее неподкупный чиновник оставался недостижимым идеалом, о чем свидетельствовали проводимые Сенатом ревизии. Когда Екатерина II ознакомилась с результатами ревизии Белгородской губернии, то была настолько возмущена, что выпустила специальный указ, чтобы усюветить продажных судей: «Многократно... было повторяемо, что взятки и мздоимство развращают правосудие и утесняют

бедствующих. Сей вкоренившийся порок принудил нас... манифестом объявить в народ наше матерное увещание, дабы те, которые заражены... сею страстью, отправляя суд, воздержались от такого зла, а в случае их преступления... не ожидали бы... нашего помилования».

После смерти Екатерины ситуация с взятками стала еще более отчаянной. «Непостижимо, — жаловался, к примеру, Александр I, — все грабят, почти не встречаешь честного человека. Это ужасно».

Фактически взятки превратились в механизм государственного управления.

Известно, например, что помещики всех губерний Правобережной Украины ежегодно собирали для полицейских чинов крупную сумму. И не было случая, чтобы ее не приняли. Кстати, киевский губернатор И. Фундуклей, знаменитый своим богатством и неподкупностью (хотя сам брал подношения), искоренять эту традицию не считал нужным, логично полагая, что если помещики не будут выделять средства на содержание чинов полиции, «то средства эти они получают от воров».

Но наиболее серьезные суммы чиновникам выплачивали так называемые откупщики, желавшие получить эксклюзивные права на ведение той или иной деятельности. По воспоминаниям чиновника М. А. Дмитриева, служившего в Симбирской губернии в тридцатые годы XIX века, один из откупщиков ежегодно платил губернатору десять тысяч рублей, а прокурору, «как человеку слабому и безгласному», — три тысячи. Сенатор М. П. Веселовский, начинавший службу в Нижнем Новгороде, писал: «Откупщик вернее, чем Табель о рангах... определял удельный вес каждого должностного лица. Тот, кому откупщик платил много, высоко стоял в служебной иерархии; кому мало — низко; кому вовсе не платил — представлялся не более как мелкой сошкой».

В 1830 году в Санкт-Петербурге вышла книга Эраста Павловича Перцова «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершего титулярного советника».

В этом сатирическом исследовании содержится подробная классификация взяток (подарки, сюрпризы, обеды, вещи, словно нечаянно забытые, и, конечно, деньги, «предпочтительно ассигнации, потому что они переходят из рук в руки без стука и шума») и немало полезных советов взяткополучателям («возьмите от того, кто дает больше, а прочих с шумом и гневом проводите за дверь»). Вообще, по поводу взяток тогда не иронизировал лишь ленивый. Да и в наши дни среди судебных чиновников популярен такой анекдот.

«Молодой судья спрашивает старого:

— Истец дал мне пятьдесят тысяч за решение спора в его пользу, а ответчик — сто. Как мне поступить?

На что тот ответил:

— Верни ответчику пятьдесят тысяч и решай дело по закону.»

Не так давно в Историческом музее нашли вполне серьезные отчеты, кому и сколько на протяжении более пятидесяти лет давали управляющие именными князей Голицыных. Эти ведомости составлялись и озаглавливались, например, так: «Ведомость (...), какое количество с мая 1814 по май же 1815 года губернского города Перми и уездов одного господам присутствующим и прочим чиновникам для снискания благосклонности по делам ваших сиятельств выдано наличными деньгами, хлебными припасами, провизией и прочим...» Правда, в середине века управляющие уже пытались выдать взятки за акты благотворительности. Поэтому их отчеты стали называться «ведомостями о расходах в пособие господам чиновникам», «ведомостями о презентях чиновникам». Но суть дела от этого не меняется. В самих же ведомостях перечислены фамилии чиновников с указанием, сколько, кому и чего выдано в течение года. Иногда упоминалась оказанная чиновником

услуга. Например, «за расположение при разыскании межи», «за полезное решение по нашей апелляционной жалобе», «за полезное составление справки». При этом суммы, которые тратились на подкуп мелких чиновников, были сравнительно невелики и в редких случаях превышали сто пятьдесят рублей в год.

Если же дела решались в столице, то суммы взяток были солидные. Так, тяжба о спорном селе, которую Голицыны вели в 1830 году, стоила им шесть тысяч рублей (сенаторам овса не предложишь). Ведомость подробно перечисляет, кому и сколько пришлось дать: «Обер-секретарю — три тысячи рублей, секретарю — две тысячи рублей, регистратору за услуги по сему делу — двести рублей, и на угощение последних троих употреблено в разное время семьдесят пять рублей...» Отдельная сумма была уплачена за копирование конфиденциальных документов противников по делу.

Получаемые чиновниками суммы в несколько раз превышали их жалованье. Так, уездному судье к годовому окладу в триста рублей князья добавляли деньгами и продуктами шестьсот — тысяча шестьсот рублей, а земскому исправнику, жалованье которого составляло двести пятьдесят рублей, — тысяча — тысяча восемьсот рублей.

Царь Иван Грозный, по воспоминаниям современников, зорко следил за тем, чтобы бояре не богатели без царского на то благословения, чтобы они приучались считать свое богатство царским подарком. Идея, что богатство является наградой за политическую благонадежность, укоренилась в национальном сознании, а демонстрация личной преданности стала более надежным средством достижения материального благополучия, чем энергия и деловая хватка в сочетании с независимостью. В России благонадежность всегда давала право безнаказанно воровать. Чтобы получить доходное место, следовало всячески демонстрировать верноподданнические чувства, а чтобы его потерять, достаточно было украсть не по чину.

Чиновники прекрасно понимали, что уничтожить взяточничество в стране не удастся никому и никогда, так как взятки были основным способом обойти законы и инструкции, вздорность которых была очевидна для всех. Стоило начать очередную кампанию по борьбе с коррупцией, как чиновники начинали саботаж, и ревизоры отступали.

Вот как описывала действия киевских интендантов в 1910 году одна из газет: «После ревизии обиженные интенданты заявили: «Хорошо... мы будем честными и ни на пядь не сойдем с почвы законности. Посмотрим, что вы запоете». И интенданты стали честны и законны, а все, приходившие к ним по делам, буквально взвыли. Интенданты вытащили все существующие архаические законы и стали применять их во всей строгости. Став честными, они блокировали всю хозяйственную жизнь интендантства, вызвав ропот и негодование».

Незадолго до революции журнал «Русский мир» поместил большую статью, посвященную русскому взяточничеству. «Сейчас за взяточничество принялись очень основательно. За границей уже успела образоваться новая колония своеобразных эмигрантов — бывших взяточников».

Кстати, в наши дни значительное количество взяточников также скрывается за границей.

Только в одной Австралии проживает более двухсот тысяч бывших наших граждан. Когда я ездил туда по служебным делам, то мне приходилось встречаться с некоторыми из них. Все они в советское время были связаны с распределением материальных ценностей.

По мнению журнала, проблему взяток можно решить лишь при помощи радикальных изменений всей системы управления государством. Однако этого не произошло.

После революции государство взяло на себя руководство фактически всеми сферами жизни, но мздоимство и произвол чиновников продолжались. В мае 1918 года появился первый советский декрет о взяточничестве, предусматривавший пятилетний срок заключения и конфискацию имущества.

Почти одновременно с принятием этого декрета дела о взяточничестве были переданы в ведение революционных трибуналов. Уголовный кодекс 1922 года даже предусматривал за это преступление расстрел. Строгость наказаний за взятку росла постоянно. Не случайно В. И. Ленин называл взятку основной напастью в одном ряду с комчванством и безграмотностью.

В двадцатые годы взяточничество считалось одной из форм контрреволюционной деятельности, а с контрреволюционерами разговор был короткий. «Всем известно, — писал в циркулярном письме Ф. Э. Дзержинский, бывший в то время наркомом путей сообщения, — каких размеров достигло взяточничество во всех областях хозяйственной деятельности республики, особенно широкое распространение этого зла отмечается именно на транспорте. Мы должны отдавать себе отчет в том, что взятка имеет глубоко классовый характер... и что она направлена против основ ныне существующего строя».

Железный Феликс боролся с мздоимством весьма эффективно, что импонировало работавшим в России иностранным бизнесменам. Вот как описывает помощь Дзержинского Арманд Хаммер, ввезший в Россию в голодные годы хлеб, помощника которого Вольфа достали взятки железнодорожного чиновника:

«Вскоре выяснилось, — вспоминает Хаммер, — что эшелон задерживает комендант станции, утверждая, что расположенный севернее станции мост не выдержит вес двадцати пяти вагонов.

— Тогда почему же вы не отправляете вагоны небольшими партиями? — спросили его.

Ответ был неубедительным. В конце концов, когда представился случай, он отозвал Вольфа в сторону и зашептал:

— Вы человек деловой. Дайте мне пятьсот пудов зерна, приблизительно полвагона, и ваш эшелон будет доставлен.

Вольф телеграфировал в Свердловск, и уже через два часа вагоны были в пути. Комендант станции был немедленно отозван и после короткого следствия расстрелян...»

На транспорте в то время царили хаос и взяточничество, однако Дзержинскому в течение года удалось навести порядок.

Вся советская история борьбы со взятками мало отличалась от предыдущей. Одно время взяткой считали любые подарки, совместительство в двух учреждениях, находящихся между собой в состоянии товарообменных или торговых операций, и т. д. А в 1929 году, когда в связи с раскулачиванием взяточничество распространилось и в деревне, Пленум Верховного суда определил: «Все случаи получения должностными лицами магарыча, то есть всякого рода угощения в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации как получение взятки».

Благополучно пережив царское и советское время, взяточничество в нашей стране явно не собирается исчезать или хотя бы сдавать позиции. Во всяком случае, сегодня у нас никто не удивляется тому, что в Финляндии под заголовком «Российские таможи для финнов» выходит популярное пособие по даче взяток российским чиновникам.

На сегодняшний день коррупция стала привычной составляющей для всех социальных слоев нашего общества. По различным оценкам международных организаций, объем коррупционного рынка составляет от двухсот четырнадцати до трехсот шестнадцати миллиардов долларов США. Более половины взрослого населения страны имеет личный опыт дачи взяток.

Так можно ли победить мздоимство, или оно бессмертно? Попытаемся разобраться в природе современного взяточничества.

Недостаточно продуманная приватизация государственной собственности в девяностые годы, развитие дикого челночного бизнеса, бесконтрольность бартерной торговли и многих внешнеторговых операций на фоне либерализации уголовного законодательства, снижения роли правоохранительных и контролирующих органов способствовали образованию в криминальных структурах огромных неучтенных денежных масс, которые стали использоваться для подкупа чиновников госаппарата, работников правоохранительных органов и создания защитного механизма для организованной преступности. Основной заботой преступного сообщества является легализация (отмывание) денег, добытых преступным путем, для их дальнейшего использования в корыстных целях, в том числе и для дачи взяток.

Создавшееся положение несет реальную угрозу национальной безопасности страны. Если в ближайшее время не будут приняты радикальные меры на государственном уровне, нетрудно спрогнозировать наше дальнейшее будущее.

В стране имеются многочисленные контролирующие органы различного уровня и направленности, однако практика прокурорских проверок свидетельствует об их неэффективности и неспособности радикально влиять на положение дел. Более того, многие из них сами втянуты в коррупционную деятельность.

Одним из распространенных приемов отмывания «грязных» денег является создание фиктивных предприятий, зарегистрированных на номинальных собственников, иногородних либо иностранных граждан, по потерянным или похищенным паспортам. От фиктивных сделок на их счета средства поступают на вполне законных основаниях. Фирмы создаются на очень короткий срок, иногда для совершения всего одной сделки. Их деятельность попадает в поле зрения налоговых органов только через три месяца, когда наступает время предоставления отчетности, а валютного контроля — через шесть месяцев, когда необходимо закрывать паспорт сделки. К этому времени сделка уже совершена, фирма прекратила свое существование, деньги «попилены», документы уничтожены, а руководители скрылись.

В схеме с использованием экспортных операций широко практикуется поставка товаров за рубеж своим собственным, купленным либо учрежденным, фирмам.

На Дальнем Востоке, как правило, поставляется сырье (круглый лес, морепродукты). Деньги за его реализацию в Россию не возвращаются и легализуются за рубежом. Махинаторы нередко используют схему перевода денег за оказание фиктивных услуг. Эта сфера практически полностью выпадает из-под валютного контроля, так как для ее раскрытия необходимо знать всю цепочку аферы, взаимодействовать с правоохранительными органами двух, а иногда и более стран, с которыми имеются договоры об оказании правовой помощи.

Криминальные структуры успешно используют изобретенную в Китае подпольную банковскую систему «Fie chien» (фей чьен — «полет денег»), основанную на взаимных финансовых связях. Система позволяет внести деньги подпольному банкиру в одной стране, а затем «по записке» получить их в другой.

Эти и многие другие способы ухода от уплаты налогов и отмывания «грязных» денег будут существовать до тех пор, пока власти не создадут действенную, всеобъемлющую систему контроля за челночной и бартерной торговлей и связанными с ними валютными операциями, пока существуют противоречия между глобальным характером финансовых рынков и их государственным регулированием. И пока они есть, взяточничество, мздоимство, коррупция, иные проявления организованной преступности будут процветать, обильно финансируемые теневым бизнесом, создавая реальную угрозу стране. На этом фоне для развития президентского плана законодатели должны принять экстренные меры к устранению создавшегося положения.

Необходимо обновленное развитие правоохранительной системы и в первую очередь поднятие на качественно новый уровень роли органов прокуратуры, имеющей многолетний опыт, необходимый кадровый потенциал и менее всего пораженной негативными явлениями. Однако законодатель должен наделить прокуратуру дополнительными надзорными полномочиями, многих из которых она была лишена в последние годы.

В частности, можно использовать опыт Республики Молдова, где Генеральной прокуратуре предоставлено право приостанавливать на определенный срок совершение ограниченных или сомнительных финансовых операций, а также требовать предоставления информации, документов и материалов о таких операциях, обязывать организации, осуществляющие финансовые операции, разрабатывать программы по борьбе с отмыванием денег, заполнять специальные формуляры на ограниченные и сомнительные финансовые операции по образцу, разработанному Генеральной прокуратурой.

В последнее время наметились позитивные тенденции в борьбе с коррупцией. Положительную роль сыграло создание в центральном аппарате Генпрокуратуры и в регионах специальных антикоррупционных подразделений и открытие в Интернете специального сайта. Большие надежды возлагаются на президентский национальный план противодействия коррупции. Однако для его исполнения необходимы законы прямого действия и объединение усилий всех заинтересованных органов. Действующие разрозненно многочисленные контролирующие органы не купируют коррупцию, а порой способствуют ее процветанию. Уполномоченный орган в сфере противодействия легализации преступных доходов — Росфинмониторинг — также не в состоянии решить проблему из-за отсутствия единой комплексной программы.

В составе Генеральной прокуратуры целесообразно иметь аналитическое управление, а в федеральных округах — отделы, состоящие не только из опытных юристов, но и экономистов, политиков, способных на основе глубокого анализа уголовных дел, материалов проверок, положения в стране и международного опыта предоставлять Генеральному прокурору всесторонне обоснованные предложения по демонстражу сложившейся коррупционной системы, изменению общих приоритетов государственной политики в борьбе с преступностью, готовить методические рекомендации для прокуроров субъектов Федерации. На основании такого анализа Генеральный прокурор мог бы обоснованно инициировать принятие законов, направленных на смягчение губительного влияния коррупции либо отдельных ее элементов.

Одним из направлений такой инициативы могло бы стать предложение о принятии федерального закона о лоббировании, исключающего возможность создания правового поля для продвижения законопроектов, противоречащих интересам общества и государства либо тормозящих принятие мер, направленных на борьбу с организованной преступностью, а также корректирование главы 52 УПК РФ, предусматривающей особый порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, приблизив ее по смыслу к ст. 19 Конституции РФ, провозглашающей принцип равенства всех граждан Российской Федерации перед законом и судом, а также к уменьшению до разумного минимума различных привилегий и «исключений из правил».

Было бы целесообразным изменить Федеральный закон № 115-ФЗ от 07.08.2001 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» в части некоторых формулировок. Так, ст. 3 закона определяет доходы, полученные преступным путем, как денежные средства или иное имущество, полученное в результате совершения преступлений. Это определение не в полной

мере разъясняет понятие подкупа, так как, во-первых, совершение преступления доказать может только суд, во-вторых, взятка государственному чиновнику зачастую носит завуалированный характер (предоставление различных услуг и привилегий, ремонт квартиры, выделение земельных участков под застройку, обучение детей за границей, организация отдыха и т. д.), а действия чиновника, оказывающего ответные услуги «дарителю», находятся на грани дозволенного, в связи с чем не имеют ярко выраженных признаков состава преступления и оснований для возбуждения уголовного дела. В данном случае более приемлемым было бы определение «неправомерные (или незаконные) доходы».

Благоприятно повлияло бы на противодействие легализации преступных доходов внесение в федеральный закон обязанности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами либо иным имуществом, изучать и оценивать финансовую деятельность клиентов и в случае возникновения подозрений в обязательном порядке направлять информацию в ФСФМ (Росфинмониторинг). В настоящее время ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ предписывает необходимость идентифицирования лица, находящегося на обслуживании. Однако это касается лишь установления паспортных данных и номера ИНН (если он имеется). В части направления в уполномоченный орган информации об операциях, подлежащих обязательному контролю (ст. 6), банки зачастую игнорируют эту рекомендацию из-за риска потерять клиента, особенно если речь идет об учредителе либо компании, оперирующей значительными денежными суммами, в финансах которой заинтересован банк.

Необходим закон, дающий право Генеральному прокурору по результатам расследования уголовных дел или прокурорских проверок ставить вопрос об отзыве у организаций, осуществляющих операции с денежными средствами либо иным имуществом, лицензии за отмывание денег, а также устанавливающий ответственность за необоснованный отказ в предоставлении прокурору запрашиваемых сведений.

Учитывая, что проверки экономической и особенно банковской деятельности являются наиболее сложным направлением прокурорской деятельности, требующим специальных познаний, необходимо организовать на базе академии Генеральной прокуратуры и в региональных учебных центрах повышения квалификации обязательное углубленное изучение банковской системы и банковских операций с привлечением к проведению занятий опытных экономистов и практических работников банковской сферы.

Транснациональный характер организованной преступности диктует необходимость установления профессиональных связей между правоохранительными органами России и иностранных государств с целью получения сведений о сомнительных коммерческих операциях, движении денежных потоков лиц криминальной направленности.

Президентский национальный план противодействия коррупции довольно подробно излагает основные направления борьбы с этим общенациональным злом, способным подорвать основы любого государства. Важно не дать возможности криминалитету и стоящим у него на службе чиновникам свести на нет значение этого жизненно важного для страны документа. И начинать, видимо, нужно с четкого определения самого понятия коррупции, установления за нее ответственности прямого действия.

Одним из возможных вариантов может служить формулировка, данная Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности от 29.09.2003: «Обещание, предложение или предоставление публично должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем,

чтобы это должностное лицо при выполнении своих должностных обязанностей совершило какое-либо действие, или бездействие, или предполагаемое влияние в интересах инициатора таких действий».

Целесообразно законодательно предусмотреть реальную ответственность должностных лиц за непринятие к коррупционерам и лицам, им содействующим, действенных мер в связи с умышленным или ненадлежащим исполнением своих служебных полномочий. Предусмотреть самостоятельный вид ответственности за создание условий, способствующих коррупционной деятельности.

В связи с тем, что в настоящее время при приобретении дорогостоящих объектов либо их строительстве не выясняется законность денежных средств, было бы целесообразным возложить на налоговые органы либо иной специально созданный орган контрольные функции по определению источника доходов. Положительное влияние оказал бы возврат в уголовное законодательство конфискации имущества, добытого преступным или незаконным путем.

Вместе с тем следует сказать, что рассчитывать на полную победу над коррупцией, по всей вероятности, не приходится. По крайней мере, на данном этапе развития нашего общества. Но купировать ее до таких размеров, чтобы она не угрожала экономической, политической и нравственной безопасности государства, не только можно, но и жизненно необходимо.

Для этого, помимо политической воли руководства страны, необходимы воля, стремление и заинтересованность всего общества, решение политических, экономических и законодательных вопросов. Помимо применения к коррупционерам жестких карательных мер — своевременное отлучение их от властной, распределительной кормушки, изъятие у них предметов незаконного обогащения, создание такой обстановки, при которой дача либо получение взятки становились бы невыгодными.

Работая прокурором, я часто бывал с проверками в местах лишения свободы и разговаривал с осужденными за взяточничество и другие коррупционные преступления. Все они, повторяю, все каялись в получении взяток, но это было позднее раскаяние. Один осужденный, бывший на свободе руководителем крупной снабженческой организации, с которым мы ранее неоднократно встречались на различных мероприятиях, с горечью сказал:

— Знаете, будь моя воля, я бы перед назначением человека на руководящую должность приводил его сюда, в тюрьму, и давал возможность поговорить с нами. Убежден, взятку он бы никогда не брал. Мы потеряли все, и вернуть ничего уже нельзя. Жаль, что я поздно это понял.

И с этим нельзя не согласиться. Многие начинающие коррупционеры просто не задумываются о последствиях — дескать, если прошло один раз, пройдет и в следующий. Но это не так. Халявные деньги — это самый страшный наркотик, попробовав их однажды, человек думает о них всю жизнь, особенно если первое преступление прошло безнаказанно. Недаром мудрая русская пословица гласит: «Сколь веревочке ни виться, а конец будет».

Борьба с коррупцией постепенно набирает обороты, потому как общество начинает понимать, что вопрос стоит так: или мы справимся с коррупцией, или она погубит государство. И тогда для его спасения придется возрождать либо методы Петра I — топор и веревку, либо ГУЛАГ со всеми вытекающими последствиями, что мы уже проходили.

